

А. М. ПАНЧЕНКО

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА И КУЛЬТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Оценивая двухсотлетний синодальный период истории русской церкви, ни один мало-мальски заметный автор, от нигилистов до православных богословов, не нашел для него добрых слов. Эти два века характеризуют как своего рода египетское пленение — при том, разумеется, что под «Египтом» понимают монарха, государство, петербургскую империю. Типичным для рассуждений о синодальном периоде можно считать инвективу о. Георгия Флоровского: «В своем попечительном вдохновении „полицейское государство“ неизбежно оборачивается против Церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от Церкви, отбирает на себя < . . . > ее собственные задачи. Берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучении народа. И если затем доверяет или поручает эту заботу снова духовному чину, то уже в порядке и по титулу государственной делегации («*vicario pontificae*»), и только в пределах этой делегации и поручения Церкви отводится в системе народно-государственной жизни свое место, но только в меру и по мотиву государственной полезности и нужды. Не столько ценится и учитывается истина, сколько годность, — пригодность для политико-технических задач и целей. Поэтому само государство определяет объем и пределы обязательного и допустимого даже в вероучении».¹

Коль скоро петербургское бытие церкви воспринимается в качестве упадка и беды, в качестве насилия над нею, то неизбежно возникает проблема вины, неизбежно начинаются поиски виновников. По естественной приверженности к единодержавной психологии, вина персонифицируется, а число виновников сводится к минимуму, в данном случае к единице: обвиняемым оказывается Петр I (иногда в компании с Феофаном Прокоповичем).² В послед-

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 83—84.

² Силошь враждебны к нему (исключение — автор этих строк) советские и зарубежные специалисты, выступившие в декабрьской (за 1988 г.) книжке